

Названия мелких пушных зверей в коми языке

Анатолий Николаевич Ракин

Институт языка, литературы и истории

Коми научного центра Уральского отделения РАН,

Сыктывкар, Россия

Введение. Работа посвящена лексике охотничьего промысла в коми языке. В статье в качестве самостоятельной микросистемы исследуются обозначения, употребляющиеся для номинации мелких пушных зверей, обитающих на территории Республики Коми. Вся совокупность рассматриваемых лексических единиц относится к обеим разновидностям лесных обитателей – к хищникам и растительноядным животным. Анализ фактического материала проводится с целью установления основных этапов формирования и развития данного компонента лексики охотничьего промысла коми языка.

Материалы и методы. Содержащийся в статье фактический материал принадлежит коми литературному языку. Из числа диалектных названий приводятся лишь те несколько примеров, которые содержатся в нормативных словарях. Рассматриваются названия как исконного, так и иноязычного происхождения. При разработке темы исследования автор оперирует такими методами, как описательный, сравнительно-исторический, синхронно-сопоставительный и статистический, а также использует приемы семантического и структурно-словообразовательного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Работа представляет собой первый опыт лингвистического исследования названий мелких пушных зверей в коми языке. По субстанциональному признаку данная лексическая микросистема относится к обозначениям объекта охотничьего промысла. На основе систематизации имеющихся праформ представлена диахронная иерархия исконной лексики, характеризующаяся наличием четырех компонентов древних названий: прафинно-угорских, прафинно-пермских, прапермских и пракоми. Установлены типы и количественный состав группы иноязычных названий, в которую входят древние и поздние заимствования.

Заключение. Формирование лексики коми языка, относящейся к мелким пушным промысловым животным, происходило в течение многих тысячелетий начиная с прафинно-угорской эпохи. Большинство названий анализируемой микросистемы принадлежит к исконному фонду словарного состава коми языка. Иноязычная часть в составе названий мелких пушных животных занимает незначительное место, ее формирование происходило в результате проникновения заимствований из двух внешних источников.

Ключевые слова: коми язык, лексика, обозначения объекта охотничьего промысла, названия мелких пушных зверей, исконный словарный фонд, заимствования

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

Для цитирования: Ракин А. Н. Названия мелких пушных зверей в коми языке // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 180–188. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.180-188.

Введение

Охота, как любительская, так и профессиональная, обладает двумя разными полюсами, на одном из которых находится ее субъект, а на другом – объект. Соответственно данный вид практической деятельности и всё, что связано с его реализацией, могут осуществляться лишь при наличии обеих этих реалий, при отсутствии той или другой он в принципе невозможен. Следует также отметить, что охота представляет

собой одно из древних занятий людей по добыванию средств существования и возникла значительно раньше других видов хозяйственной деятельности человека, таких как земледелие и скотоводство.

Словарный состав коми языка отражает обе указанные доминанты охотничьего промысла. В нем имеется достаточное количество номинативных единиц для обозначения как субъекта, так и объекта и всех

связанных с ними предметов охоты. При исследовании и описании лексики охотничьего промысла могут быть применены разные принципы классификации фактического материала, в том числе и такой экстралингвистический критерий, как размеры тела представителей промысловой фауны. С учетом этих показателей систематизация номинативных единиц позволяет выделить три самостоятельные микросистемы: а) обозначения крупных зверей (медведь, лось и др.); б) обозначения зверей средних размеров (лиса, заяц и др.); в) обозначения мелких пушных зверей (соболь, белка и др.). Поскольку первые две микросистемы рассмотрены в предыдущей нашей публикации [6], настоящая работа посвящена третьей микросистеме, т. е. названиям мелких пушных зверей.

Обзор литературы

В отечественном финно-угроведении разработка проблемы «Лексика охотничьего промысла» находится на начальной стадии. К настоящему времени по данной теме опубликованы три статьи. Одна из них подготовлена на материале марийского языка [5], две другие – коми-зырянского [6; 7].

Материалы и методы

Основным источником фактического материала послужила соответствующая часть словарного фонда коми языка, содержащаяся в лексикографических изданиях и специальных словарях (КРК; РКС; ПНК). Приведены сопоставительные примеры из коми-пермяцкого и удмуртского языков (КПРС; КПРС-РКПС; УРС). Краткие биологические сведения о промысловых животных заимствованы из источников справочного характера (ЖМК; РКЭ). Диахроническая классификация исконного компонента анализируемой лексики осуществлялась посредством реконструкций из этимологических источников (КЭСКЯ; Rédei, 1988). Группа названий иноязычного происхождения, их количество и источники установлены с помощью исходных слов, содержащихся как в отечественной (Даль; СРЯ; СРГСУ), так и в зарубежной [10] литературе. Наряду с лингвистическими дан-

ными учитывались также сведения, приведенные в некоторых этнографических изданиях [1; 2]. Использовалась технология разработки темы, которая была создана автором при подготовке предыдущих двух исследований.

Результаты исследования и их обсуждение

Микросистема обозначений мелких пушных зверей в коми языке состоит из 29 названий, относящихся к 11 объектам номинации, часть из которых – хищники (соболь, горноста́й, норка, куница, кидус, ласка, крот).

Хищные звери питаются другими лесными животными. Так, соболу в качестве пищи служат белки и бурундуки, а также зайцы. Зимой в ночное время он «охотится» на рябчиков, глухарей и тетеревов, укрывшихся под снегом от холода. Поедает мышевидных грызунов: полевков и пищух. Для куницы основу питания составляют белки, а кроме них – мелкие грызуны, лягушки, ящерицы, насекомые. Как и соболь, она нападает на довольно больших лесных обитателей: зайца или глухаря. Часто разоряет птичьи гнезда, поедая яйца и птенцов. Кидус – помесь куницы и соболя – питается грызунами, зайцами, птицами, насекомыми, летом добавляет в меню ягоды и орехи. В рацион норки входят преимущественно крысы, мыши, рыба, земноводные и беспозвоночные. Горноста́й при охоте проверяет норы водяных крыс и бурундуков. При обнаружении хозяев не только убивает их, но и присваивает жилище и всё, что там находится. Его добычей становятся также птицы, их яйца, земноводные, пресмыкающиеся, рыбы, насекомые. Ласка употребляет в пищу домовых, полевых и лесных мышей, землероек, крыс, кротов, ящериц, голубей, мелкую рыбу. Грызунов она добывает, проникая в их норы, а зимой – в снежные ходы (ЖМК, с. 44). Крот поедает в основном дождевых червей и подземных насекомых.

Остальные четыре представителя мелких пушных зверей (белка, белка-летяга, бурундук, водяная крыса) не являются хищниками. Они существуют за счет употребления растений. Основу рациона белки

составляют семена хвойных деревьев: ели, сосны, кедра, которые зимой служат единственным кормом для этих зверей. Летом она питается травой, ягодами – рябиной, брусникой, можжевельником, костяникой. Любит грибы и даже сушит их впрок, насаживая осенью на ветки деревьев. Несмотря на то что водяные крысы считаются всеядными животными, они также предпочитают растительную пищу. На водоемах поедают корневища и плоды кувшинок, стрелолиста, а на полях и огородах – хлебные зерна и корнеплоды: картофель, морковь, свеклу. Белка-летяга обыкновенная питается вегетативными частями растений – почками, сережками, побегами, семенами и ягодами. Подобно белке и бурундуку, делает запасы пищи на всю зиму, так как в спячку не впадает, а в сильные морозы не выходит из гнезда по несколько суток. Основная пища бурундука – семена хвойных древесных пород, зерна культурных злаков, если обитает около полей. В небольших количествах им поедаются лесные ягоды и другие части растений (РКЭ, с. 279).

В работе анализируется фактический материал, принадлежащий коми литературному языку. Исключение составляют два примера, относящиеся к теме исследования, которые не являются общеупотребительными, а имеют территориально ограниченное распространение и отмечены в нормативном словаре соответствующими пометами: *чуш* диал. ‘норка’ (КРК, с. 722) и *сер* диал. ‘куница’ (КРК, с. 581).

Для номинации объектов обозначения данной микросистемы в коми языке употребляется не одно, а несколько названий, образующих синонимические ряды. Как показывает рассматриваемый материал, такие ряды состоят из двух, четырех и пяти членов.

Двучленные ряды: *сьддббж*, *чужмөр* ‘горностай’, *анча*, *чуш* ‘норка’, *тулан*, *сер* ‘куница’, *орда*, *визьяорда* ‘бурундук’ и др.

Четырехчленные ряды: *борда ур*, *палюр*, *кушпаль*, *паляур* ‘белка-летяга’, *вурдысь*, *зымышыр*, *муош*, *мушыр* ‘крот’.

Пятичленный ряд: *ур*, *гёрд ур*, *пыжик ур*, *лöz ур*, *чирас ур* ‘белка’.

Структурно-словообразовательная система обозначений мелких пушных зверей

складывается из трех типов номинативных единиц: однословные лексемы (непроизводные и производные), двучленные образования (композиаты) и составные названия.

Непроизводные слова состоят только из корневой морфемы, иных морфологических элементов не имеют. В данную группу названий входят следующие слова: *низь* ‘соболь’, *чуш* ‘норка’, *сер* ‘куница’, *ур* ‘белка’.

Производными обозначениями являются *тулан* ‘куница’ и *орда* ‘бурундук’, которые современными носителями коми языка воспринимаются как нечленимые морфологические единицы. Но с исторической точки зрения они считаются производными образованиями, имеющими в составе словообразовательные элементы. Так, относительно слова *тулан* ‘куница’ предполагается, что оно образовано от исчезнувшего глагола *тулны* ‘мелькать, мчаться, подкрадываться’ с помощью суффикса **-ан** (КЭСКОЯ, с. 426). *Орда* ‘бурундук’, видимо, появилось в результате сокращения широко употребляющегося в современном коми языке синонимического названия бурундука *визьяорда*, буквально обозначающего ‘полосатобокий, полосатобокий бурундук’ (*визья* ‘полосатый’, *орда* ‘бурундук’). Производящая основа в составе этих двух названий *орд* имела первоначальную семантику ‘бок’ (КЭСКОЯ, с. 206). Элемент **-а** является древним суффиксом отыменных прилагательных. По мнению некоторых исследователей, в данной функции он существовал уже в общепермскую эпоху [8, 174].

Группа композитных образований, т. е. двучленных названий в слитном или дефисном написании, которые структурно отличаются как от однословных лексических единиц, так и от названий из двух и более частей свободных сочетаний, включает в себя следующие обозначения: *сьддббж* ‘горностай’, *ычи-кычи* ‘ласка’, *кушпаль* ‘белка-летяга’, *палюр* ‘белка-летяга’, *паляур* ‘белка-летяга’, *зымышыр* ‘крот’, *муош* ‘крот’.

Как видим, из числа приведенных композит часть названий имеют переносное значение: *сьддббж* ‘горностай’ (букв.: чер-

ный хвост)’, *муош* ‘крот (букв.: земляной медведь)’.

В остальных примерах один из компонентов в современном коми языке никак не осмысливается и без второй части не употребляется: *ычи-кычи* ‘ласка’ (*ычи-* + *кычи* ‘собачка’), *зымышыр* ‘крот’ (*зым-* + *шыр* ‘мышь’), *кушпаль* ‘белка-летяга’ (*куш* ‘голый’ + *-паль*), *палюр*, *паляур* ‘белка-летяга’ (*паль-*, *паля-* + *юр* < *ур* ‘белка’).

Составные названия представляют собой двучленные словосочетания; образования с большим количеством частей здесь отсутствуют. Все обозначения данной группы образованы по двум структурным моделям:

1) «существительное + существительное»: *ва шыр* ‘водяная крыса’ (*ва* ‘вода’ + *шыр* ‘мышь’), *му шыр* ‘крот’ (*му* ‘земля’ + *шыр* ‘мышь’), *чирас ур* ‘белка’ (*чирас* ‘прошлогодня кислая шишка’ + *ур* ‘белка’) и т. д.;

2) «прилагательное + существительное»: *васа вурдысь* ‘водяная крыса’ (*васа* ‘водяной’ + *вурдысь* ‘крот’), *борда ур* ‘белка-летяга’ (*борда* ‘крылатый’ + *ур* ‘белка’), *гөрд ур* ‘белка в летнем меху’ (*гөрд* ‘красный, рыжий’ + *ур* ‘белка’), *лөз ур* ‘белка в зимнем меху’ (*лөз* ‘серый’ + *ур* ‘белка’).

С помощью семантической классификации всю совокупность лексических единиц, относящихся к мелким пушным животным, можно распределить по двум основным группам: 1) немотивированные обозначения и 2) мотивированные названия.

Немотивированные названия, не имея смыслового значения, выполняют чисто номинативную функцию – называют соответствующего представителя промысловой фауны без указания на какой-либо денотативный признак, которым он обладает. Такими являются в основном одночленные лексемы: *ур* ‘белка’, *чуш* ‘норка’, *тулан* ‘куница’ и т. д.

Мотивированные названия выполняют не одну, а две функции: они не только называют соответствующую реалию, но и указывают на тот или иной признак, на какую-нибудь отличительную черту объекта обозначения. Например, некоторые названия характеризуют промысловых животных по месту их обитания: *ва шыр* ‘во-

дяная крыса’ (КРК, с. 754) (*ва* ‘вода’, *шыр* ‘мышь’), *му шыр* ‘крот’ (КРК, с. 754) (*му* ‘земля’, *шыр* ‘мышь’).

Смысловое содержание следующих названий свидетельствует о том, что при номинации может быть использован и такой мотивировочный признак, как цвет шерстного покрова и особенности строения тела. У белки летний мех имеет красный цвет, поэтому по-коми она называется *гөрд ур* (ПНК, с. 49) (*гөрд* ‘красный, рыжий’, *ур* ‘белка’). К зиме этот пушной зверек становится серым и получает название *лөз ур* (КРК, с. 360) (*лөз* ‘синий, серый’, *ур* ‘белка’).

Бурундука отличает наличие пяти темных полос вдоль спины, что отражает его название *визяорда* (*визя* ‘полосатый’).

У горностая всегда (и зимой и летом) кончик хвоста черный – именно эта особенность обусловила появление в коми языке его названия *сьөдбөж* (букв.: ‘черный хвост’). Аналогичные обозначения имеются в двух других близкородственных языках: кп. *сьөдбөж* ‘горностай’ (ПНК, с. 162), удм. *сьөдбыж* ‘горностай’ (УРС, с. 621).

Белка-летяга между передними и задними конечностями имеет не покрытую шерстью перепонку, которой она в расправленном виде пользуется как парашютом во время перепрыгивания с дерева на дерево и планирования при полете в воздухе. Эти факты послужили основой для образования коми названий *борда ур* ‘белка-летяга’ (ПНК, с. 132) (букв.: ‘крылатая белка’) и *кушпаль* ‘белка-летяга’ (ПНК, с. 132) (*куш* ‘голый’).

Средства питания также могут быть мотивировочным признаком при номинации мелких пушных зверей. Как известно, основным кормом для белки служат семена хвойных пород, которые она добывает из шишек ели, сосны и кедра. Но эти древесные семена образуются не всегда, периодически бывают неурожайные годы. В таких условиях, чтобы не погибнуть от голода, белки вынуждены находить упавшие на землю прошлогодние шишки с прокисшими семенами и питаться ими. Данным обстоятельством обусловлено образование в коми языке названия *чирас ур* ‘белка, пита-

ющаяся прошлогодними шишками» (ПНК, с. 192). Первый компонент *чирас* в составе данного обозначения имеет значение 'кислый'.

С точки зрения происхождения в составе анализируемой микросистемы, как и в других отраслях словарного фонда коми языка, можно выделить две части – исконную и заимствованную. В соответствии с хронологией возникновения в исконной части различаются допермские, прапермские и собственно коми-зырянские образования.

Особенностью допермского фонда анализируемых обозначений является то, что в нем отсутствуют слова, возникшие в прауральском языке, просуществовавшем до 4-го тыс. до н. э. [4, 409]. Остальные два компонента древней лексики (прафинно-угорские и прафинно-пермские) имеются.

К названиям прафинно-угорского периода – начало 4-го – конец 3-го тыс. до н. э. [4, 424] – относится обозначение соболя *низь* (КРК, с. 430), кп. *низь* уст. 'соболя' (КПРС, с. 273), удм. *низь* 'соболя' (УРС, с. 465) < общеп. **n'iz'* 'соболя' (КЭСЛЯ, с. 190). Кроме близкородственных генетические соответствия имеются в финском, эстонском, хантыйском, мансийском, венгерском языках: < ф.-у. **n'uks'e* (*n'uks-s'z'*) 'соболя'. В этимологических источниках сопоставительные примеры приводятся также из некоторых самодийских, тунгусских и палеосибирских языков, на основании чего допускается, что данное древнее название могло возникнуть в более раннюю, чем прафинно-угорская, эпоху (Rédei, 1988, с. 326).

Финно-пермский праязык приурочивается к периоду с конца 3-го до середины 2-го тыс. до н. э. [4, 433]. Из числа древних обозначений к данной группе, как и к предыдущей, принадлежит одно коми-зырянское слово: *ур* 'белка' (КРК, с. 688), кп. *ур* 'белка' (КПРС, с. 514) < общеп. **ur* 'белка' (КЭСЛЯ, с. 291). Удмуртское обозначение белки *коньы* (УРС, с. 317) с коми словами этимологически не связано. Генетические соответствия имеются в финском, саамском, марийском и мордовских языках: < ф.-п. **ora* 'белка' (Rédei, 1988, с. 343).

Следующие названия унаследованы из прапермского языка, возникшего в ре-

зультате распада прафинно-пермского языка-основы и просуществовавшего со 2-го тыс. до н. э. до VIII в. н. э. [9, 49]. Обозначения данной хронологической группы в количестве пяти слов употребляются только в современных пермских языках и соответствий в других родственных языках не имеют:

орда 'бурундук' (КРК, с. 459), кп. *орда* 'бурундук' (КПРС, с. 294), удм. *урдо* 'бурундук' (УРС, с. 698) < общеп. **orda* 'бурундук' (КЭСЛЯ, с. 206);

сер 'куница' (КРК, с. 561), удм. *сёр* 'куница' (УРС, с. 595) < общеп. **s'er* 'куница' (КЭСЛЯ, с. 250);

чужмөр 'горностай' (КРК, с. 715), кп. *чужмөр* 'горностай' (КПРС, с. 544), удм. *чөжмер* 'горностай' (УРС, с. 750) < общеп. **čõžmer* 'горностай' (КЭСЛЯ, с. 312);

палор, *паляур* 'белка-летяга' (КРК, с. 481; ПНК, с. 132), *кушпаль* 'белка-летяга' (КРК, с. 132), кп. *паль ур* 'белка-летяга' (КПРС, с. 319), удм. *пулë* 'белка-летяга' (УРС, с. 556) < общеп. **päl'a* 'белка-летяга' (КЭСЛЯ, с. 216);

сьöдбöж 'горностай' (КРК, с. 624), кп. *сьöдбöж* 'горностай' (ПНК, с. 162), удм. *сьöдбыж* 'горностай' (УРС, с. 621) < общеп. **s'öd-böž* 'горностай'.

Группа древних названий мелких пушных животных, состоящая из лексических единиц пракоми происхождения, характеризуется тем, что ее формирование происходило после завершения прапермской эпохи и расхождения общих предков коми с удмуртами, т. е. в период с IX по XI в. н. э. [3, 25]. Поэтому данный разряд номинативных единиц употребляется лишь в двух северных пермских языках – коми-зырянском и пермяцком: кз. *визьяорда* 'бурундук' (КРК, с. 102), кп. *визьяорда* 'бурундук' (КПРС, с. 73); кз. *ва шыр* 'водяная крыса' (КРК, с. 754), кп. *ва шыр* 'водяная крыса' (КПРС, с. 576); кз. *му шыр* 'крот' (КРК, с. 754), кп. *му шыр* 'крот' (КПРС-РКПС, с. 198); кз. *тулан* 'куница' (КРК, с. 661), кп. *тулан* 'куница' (КПРС, с. 492).

Следует отметить, что из состава общекоми лексики в соответствующих источниках этимологизируются в основном одночленные названия. Что касается обо-

значений, состоящих из двух компонентов (слов), которые, вероятно, также возникли в пракоми эпоху, то они обычно в специальных работах не рассматриваются и реконструкции праформ для них не производятся.

В диахронической иерархии исследуемой микросистемы самый верхний (или поздний) слой составляют собственно коми-зырянские обозначения. Эти названия мелких промысловых зверей употребляются только носителями современного коми-зырянского языка; на территориях проживания других родственных народов, в том числе коми-пермяков, они отсутствуют.

Группу собственно коми-зырянских обозначений образуют 11 номинативных единиц: *анча* ‘норка’ (КРК, с. 28), *борда ур* ‘белка-летяга’ (ПНК, с. 132), *васа вурдысь* ‘водяная крыса’ (КРК, с. 128), *зымышыр* ‘крот’ (КРК, с. 235), *чуш* ‘норка’ (КРК, с. 722), *ычи-кычи* ‘ласка’ (КРК, с. 765; РКС, с. 87) и т. д.

Название норки *анча* считается древнекоми образованием, первоначально состоящим из двух самостоятельных частей. Первый компонент *ан-* выводится из слова *ань* ‘женщина, женский’, который содержится в ряде других сложных слов коми языка, например в таких как *анькытти* ‘горох’, *шомань* ‘щавель’, где, имея переносное значение, он выполняет уменьшительно-ласкательную функцию. Исследователи полагают, что второй компонент *-ча* этимологически связан с удмуртским названием норки *чайы* (УРС, с. 817) и изменение структуры коми слова соответственно происходило следующим образом: *an'-č'aji* > *an'-č'ai* > *ань-ча* > *анча* (КЭСКЯ, с. 390).

Неисконная часть микросистемы мелких пушных зверей складывается из древних (одно слово) и поздних (три названия) заимствований.

Название крота *вурдысь*, употребляющееся только в коми-зырянском языке и не имеющее генетических соответствий в других пермских языках, считается заимствованием индоиранского происхождения. В качестве доказательства данной версии приводятся названия: др.-инд. *undurus* ‘мышь, крыса’, др.-перс. *wudro* ‘водяное животное’ (КЭСКЯ, с. 70).

Группа поздних заимствований состоит из названий русского происхождения:

кидус, кидас ‘помесь куницы и соболя’ (КРК, с. 271) < рус., ср. *кидус* ‘помесь куницы и соболя’ (СРГСУ, с. 25; КЭСКЯ, с. 123);

ласича ‘ласка’ (КРК, с. 346, РКС, с. 87) < рус., ср. *ласица* ‘зверек’ (Даль, с. 238) [10, 75], *ластица* ‘зверек ласка’ (СРГСУ, с. 87);

соболь ‘соболь’ (КРК, с. 600) < рус., ср. *соболь* ‘пушной зверек сем. кунных, с ценным мехом светло-коричневой или темно-бурой окраски’ (СРЯ, с. 170).

Заключение

Таким образом, впервые в пермском языкознании проведено лингвистическое исследование той части словарного фонда коми-зырянского языка, которая относится к лексике охотничьего промысла и состоит из названий мелких пушных зверей. На основе субстанциальных признаков, а также исходя из состава объектов номинации и предназначенного для их обозначения разряда лексических единиц данная группа рассмотрена в качестве самостоятельной микросистемы.

Обозначения мелких пушных зверей в работе подвергнуты анализу с учетом их предметно-понятийного содержания, а кроме того, на семантическом и структурном уровнях. Применение сравнительно-исторического метода исследования показало, что исконная часть данной микросистемы имеет древние истоки. В ней, как и в других разновидностях словарного состава, в соответствии с хронологией возникновения различаются допермский, общепермский, пракоми и собственно коми-зырянский компоненты. Допермский фонд характеризуется наличием двух компонентов древней лексики: прафинно-угорской и прафинно-пермской, особенностью которых, в отличие от групп более позднего происхождения, служит то, что они сохранились и употребляются как в близкородственных, так и в дальнеродственных языках. Названия, появившиеся в прапермскую эпоху, общие для современных трех пермских языков и не имеют дальнеродственных генетических соответствий (самодийских, угорских, прибалтийско-финских, марийско-мордовских). Отдельную группу составляют обозначения, возникшие после

завершения прапермской эпохи и образования пракоми языка. Самыми поздними являются лексемы, которые, кроме коми-зырянского языка, больше нигде не употребляются. Структурно-словообразовательная система данной хронологической группы представлена однословными не-

производными и производными образованиями, композитами и составными названиями. Начало формирования иноязычного компонента относится к прапермской эпохе. Его пополнение в последующие периоды произошло за счет небольшого числа заимствований русского происхождения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>диал.</i> –	диалектное слово
<i>др.-инд.</i> –	древнеиндийский язык
<i>др.-перс.</i> –	древнеперсидский язык
<i>кз.</i> –	коми-зырянский язык
<i>кп.</i> –	коми-пермяцкий язык
<i>общеп.</i> –	общепермский язык-основа
<i>рус.</i> –	русский язык
<i>удм.</i> –	удмуртский язык
<i>уст.</i> –	устаревшее слово
<i>ф.-н.</i> –	финно-пермский праязык
<i>ф.-у.</i> –	финно-угорский праязык
<i>Даль</i> –	Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 2.
<i>ЖМК</i> –	Остроумов Н. А. Животный мир Коми АССР: Позвоночные. Сыктывкар, 1972.
<i>КПРС</i> –	Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

<i>КПРС-РКПС</i> –	Коми-пермяцко-русский, русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар, 1993.
<i>КРК</i> –	Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000.
<i>КЭСКЯ</i> –	Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1990.
<i>ПНК</i> –	Пембс нимьяслбн кывкуд / сост. А. Н. Ракин. Сыктывкар, 2002.
<i>РКС</i> –	Русско-коми словарь. Сыктывкар, 2003.
<i>РКЭ</i> –	Республика Коми: Энциклопедия. Сыктывкар, 1997. Т. 1.
<i>СРГСУ</i> –	Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1971. Т. 2.
<i>СРЯ</i> –	Словарь русского языка / под. ред. А. П. Евгеньевой. М., 1984. Т. 4.
<i>УРС</i> –	Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008.
<i>Rédei, 1988</i> –	Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1988. Bd. 1–2.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 393 с. (Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; т. 45).
- Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в.: Культура промысла населения таеж. зоны европ. Северо-Востока. М.: Наука, 1983. 248 с.
- Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. 1. Введение. Фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. 135 с.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / ред. коллегия: д-р филол. наук В. И. Лыткин [и др.]. М.: Наука, 1974. 484 с.
- Пекшеева Э. И. Историко-генетический анализ некоторых названий охотничьих ловушек в марийском языке // Финно-угроведение. 2019. № 1. С. 18–23.
- Ракин А. Н. Номинация объекта охотничьего промысла в коми языке // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 171–185. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.171-185.
- Ракин А. Н. Обозначения субъекта охотничьего промысла в коми языке // Вестник угроведения, 2021. Т. 11. № 2. С. 319–327. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-319-327.
- Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 391 с.
- Хайду П. Уральские языки и народы / пер. с венг. Е. А. Хелимского; под ред. К. Е. Майтинской; предисл. Б. А. Серебrenникова. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
- Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteraturgesellschaft, 1910. 187 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia; 29).

Поступила 18.11.2022; одобрена 18.12.2022; принята 27.03.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Н. Ракин – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, anatolij.rakin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3371-3560>

Names of small fur-bearing animals in the Komi language

Anatoly N. Rakin

*Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The paper considers the hunting vocabulary in the Komi language. As an independent microsystem, it studies the designations used for the nomination of small fur-bearing animals living on the territory of the Komi Republic. The whole set of the lexical units refers to both types of forest inhabitants – predators and herbivores. The analysis of the factual material is carried out to establish the main stages of the formation and development of this component of the Komi language hunting vocabulary.

Materials and Methods. The material contained in the paper refers to the Komi literary language. Of the dialect names, only a few examples are given that are contained in normative dictionaries. The names of both primordial and foreign-language origin are considered. When developing the research topic, the author uses such methods as descriptive, comparative-historical, synchronous-comparative and statistical, as well as methods of semantic and structural-word-formation analysis.

Results and Discussion. The article is the first experience of linguistic research of the names of small fur-bearing animals in the Komi language. By substantial basis, this lexical microsystem refers to the designations of the hunting object. The analysis of the factual material was carried out using synchronous and diachronic research methods. Based on the systematization of the available proto-forms, a diachronic hierarchy of the primordial vocabulary is characterized by four components of ancient names: Proto-Finno-Ugric, Proto-Finno-Permian, Proto-Permian and Proto-Komi. It establishes the types and quantitative composition of a group of foreign-language names consisting of ancient and late borrowings.

Conclusion. The formation of the Komi language vocabulary related to small fur-bearing commercial animals has taken place over many millennia since the Proto-Finno-Ugric epoch. Most of the names of the analyzed microsystem belong to the primordial vocabulary fund of the Komi language. The foreign-language component of the names of small fur-bearing animals takes an insignificant place, its formation occurred as a result of the penetration of borrowings from two external sources.

Keywords: the Komi language, vocabulary, designations of the hunting object, names of small fur-bearing animals, primordial vocabulary fund, borrowings

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research “Permian languages in the linguistic and cultural space of the European North and the Urals” (reg. No. 121042600252-7).

For citation: Rakin AN. Names of small fur-bearing animals in the Komi language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;2:180–188. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.02.180-188.

REFERENCES

1. Belitser VN. Essays on the ethnography of the Komi peoples. XIX – early XX centuries. Moscow; 1958;45. (In Russ.)
2. Konakov ND. Komi hunters and fishermen in the second half of the XIX – early XX centuries: The culture of the commercial population of the taiga zone of the European North-East. Moscow; 1983. (In Russ.)
3. Lytkin VI. Historical grammar of the Komi language. Syktyvkar; 1957;1. (In Russ.)
4. Lytkin VI at al., eds. Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of the origin and development of the Finno-Ugric languages. Moscow; 1974. (In Russ.)
5. Peksheeva EI. Historical-genetic analysis of hunting traps naming in the Mari language. *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric Studies. 2019;1:18–23. (In Russ.)
6. Rakin AN. Nomination of a hunting object in the Komi language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;2:171–

185. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.171-185.
7. Rakin AN. Designations of the subject of hunting in the Komi language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;2:319–327. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-319-327.
8. Serebrennikov BA. Historical morphology of the Permian languages. Moscow; 1963. (In Russ.)
9. Khaidu P. Uralic languages and peoples. Moscow; 1985. (In Russ.)
10. Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors; 1910;29.

Submitted 18.11.2022; reviewing 18.12.2022; accepted 27.03.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. N. Rakin – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, anatolij.rakin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3371-3560>